

— Только не говорите Гале, что я люблю маму! — всхлипывала девочка, размазывая по щекам концертный грим.

— Да что с тобой, Лизонька? Какой Гале? О чем ты? — руководительница детской танцевальной студии «Ромашка» Алевтина Петровна была в отчаянии — через пять минут их выход, а главная солистка коллектива Лиза Вертинская плачет навзрыд.

В руке девочка сжимала розовый телефон, по которому только что кто-то позвонил, — и вот истерика. Алевтина Петровна догадывалась, что в семье Лизы не все гладко — на кружок ее приводила бабушка, забирал отец — военный с непроницаемым лицом и суровой складкой меж бровей. Но чаще забирала тоже бабушка.

Смолкли аплодисменты, за кулисы со сцены повалили дети из хора. Девочки-танцовщицы испуганно толпились вокруг руководительницы, пока та успокаивала солистку. Ведущая, шурша тафтой, снова взошла к микрофону: «А сейчас приглашаем на сцену победителя кремлевского фестиваля, дипломанта конкурса «Щелкунчик», многократного призера...».

Лиза перестала плакать, крепко, по-взрослому высморкалась в протянутый Алевтиной Петровной бумажный платок и послушно подставила лицо под быструю кисточку гримерши. Заиграла музыка, и девочки в установленном хореографией порядке поскакали на сцену. Алевтина Петровна облегченно вздохнула.

Она повертела на ладони маленький розовый телефон с брелоком-сердечком и, мучимая угрызениями совести, открыла журнал звонков. Разговор, так расстроивший девочку, длился всего две минуты. Буква «М» с точкой — имя абонента. «Ладно, надо будет с бабушкой Лизы поговорить, — решила Алевтина Петровна, — но это потом». Она отодвинула край тяжелой от пыли, багрово-бархатистой занавеси и стала наблюдать за выступлением воспитанниц, отбивая ногою ритм.

Галина Сергеевна сидела в первом ряду и снимала танец внучки на смартфон. Каждый раз, глядя на девочку, она испытывала смешанные чувства: с одной стороны, ее злило фотографическое сходство той с матерью, с другой — радовало равнодушие, которое Лиза проявляла в редкие часы свиданий с родительницей. Где-то в глубине души она все еще ревновала внучку к непутевой своей дочери, но была уверена, что со временем девочка окончательно разберется — что к чему, и поймет, что ис-

тинная мать — не та, кто родила, а та, кто вырастила и воспитала. С зятем Максимом в отношении Лизы у них было полное единодушие — самая престижная школа, самые лучшие учителя и репетиторы, самые дорогие наряды. Все только самое-самое. А раз так — не место в Лизиной жизни матери-кукушке, которая ни пирог испечь не может, ни в зоопарк лишний раз не сводит — все работа, работа... Не говоря уже о кружках. Их было три. Помимо танцевальной студии «Ромашка», куда, кстати сказать, брали далеко не всех, но Галина Сергеевна подключила свои связи, и Лизу взяли, даже сделали солисткой, были еще занятия фигурным катанием во Дворце Спорта и Школа юных моделей. Плюс индивидуальные уроки английского. Язык плохо давался Лизе, но Галина Сергеевна уже договорилась насчет летнего лагеря имени Гарри Поттера, в котором, по убеждению Жанны Альбертовны, все должно сдвигаться с мертвой точки. Удовольствие не из дешевых, но чего только не сделаешь ради будущей девочки. Внучка платила ей той же монетой — была ласкова, послушна, откровенна — рассказывала без утайки все, о чем расспрашивала бабушка, которую по ее просьбе называла просто Галей. Ну, Галя и Галя! — кому какое дело, кем она приходится девочке — бабушкой, мамой или тетей.

— Не расстраивайся, Лизочек! — говорила Галя по вечерам, расчесывая мягкой щеткой длинные волосы девочки. — Я не брошу тебя, как твоя мама. Ну, не повезло тебе с ней — что теперь делать? Зато у тебя есть я и папа. Я и папа... — Галя мечтательно уводила взгляд куда-то в сторону. Рука со щеткой замирала в воздухе.

— А мама меня любит? — робко спрашивала Лиза, забившись под одеяло.

— Ну, раз она тебя бросила — как она может тебя любить? — приводила железный довод Галя.

— А она меня насовсем бросила? — уточняла девочка, стараясь придать крепости своему голосу.

— Ты же видишь — мы давно живем втроем: ты, папа и я. Разве здесь есть кто-то еще? — начинала сердиться Галя.

А когда она сердилась, Лизе становилось совсем одиноко и неуютно.

— Завтра после фигурного катания пойдем с тобой в кафе-мороженое, — смягчившись, Галя потрепала девочку по подбородку. — Ты какое будешь? Фисташковое? В прошлый раз тебе очень понравилось.

Лизе хотелось сказать: «шоколадное», потому что именно шоколадное они ели с мамой в тот единственный выходной, когда Галя уезжала к сестре в Калугу, и папа разрешил им встретиться. Но вместо этого она послушно ответила:

— Да, фисташковое.

— Отлично! Я рада, что даже в этом наши вкусы совпадают, — обрадовалась Галя. — Ну, отдыхай, детка! Доброй ночи!

Она выключила ночник и наклонилась над подушкой Лизы, чтобы поцеловать ее перед сном. Девочка зажмурилась изо всех сил и представила, что это не Галя сейчас наклоняется над ней, а мама. У мамы были мягкие, теплые руки, от нее пахло утренней подушкой и немного шоколадом. Это то, что Лиза помнила и не могла забыть, как ни старалась. Эти запахи и прикосновения никак не вязались с тем, что мама ее бросила. В глазах привычно защипало. Девочка замерла, затаив дыхание, чтобы Галя не заметила и не стала расспрашивать, как всегда, и не выудила из нее, в конце концов, признание, что мама ее плохая, и она ни капельки по ней не скучает. После таких слов Лиза долго не могла уснуть. Ей было стыдно перед мамой. Но и Галю тоже обижать не хотелось.

Скользкая от крема щека коснулась лица девочки, острый ноготь больно задел за ухо, но Лиза промолчала, притворившись спящей.

Танец подходил к финалу. Алевтина Петровна улыбалась, радуясь блестящему выступлению своих «ромашек», ее нога по-прежнему отбивала ритм. Лиза Вертин-

ская безупречно исполнила все сложные па, даже лучше, чем на генеральном прогоне. Молодец, девочка, собралась! Теперь, после этого концерта, можно рассчитывать не только на грамоту, но и на гастроли, а если повезет — то и на фестиваль в Белграде. Оставался завершающий проход, в котором юные танцовщицы кружатся, как бы заводя одна другую. Солостка запускала это заразительное вращение в сложном такте. И тут важно было не ошибиться с моментом. Но ближе к концовке Лиза стала вдруг рассеянной, начала озираться по сторонам, потеряла темп, а за ней и другие девочки замедлились. Кого она высматривает в зрительном зале? — не могла понять Алевтина Петровна. — Бабушка — вот она, в первом ряду. Лизин отец находился сейчас в горячей точке. А если бы он и был здесь, то сидел бы рядом с Галиной Сергеевной.

— Раз, два, три четыре! Темп, темп! — стала громко считать Алевтина Петровна, отбивая ладони в попытке восстановить ритм.

Но Лиза ее не слышала. Вяло, будто на последнем дыхании, она закрутила финальное вращение, опоздав на полтора такта. Девочки вразнобой закружились следом. Зрители начали дружно прихлопывать — похоже, никто кроме Алевтины Петровны не заметил сбоя. Хотя нет — Галина Сергеевна заметила.

Галина Сергеевна замечала все. И запоминала, а когда требовалось — распаковывала ячейки памяти, удивляя окружающих подробностями — отчасти сохранными, отчасти выдуманнными, но разницы никто не видел. Когда ее дочь впервые взбрыкнула в девятом классе, послушавшись мать, Галина Сергеевна сочла это предательством. Но первым ее предал муж, бросив одну с трехлетним ребенком на руках, не объяснившись, не оставив ни рубля. Двадцать с лишним лет она растила дочь, пожертвовав ради нее всем, включая личную жизнь. Двадцать лет в одиночку тянула лямку. Двадцать лет покоряла чужой, неприступный город, в точности как героиня любимого фильма. И тоже не верила слезам. Ничьим. От дочери и требовалось-то взамен лишь капелька уважения — помолчать, согласиться, уступить — только и всего. Но нет — дочь выросла норовистой! — все делала по-своему, наперекор. Зачем отца искала? Что он сделал ей хорошего? Почему вместо юрфака в акушерки пошла? Даже в мелочах настаивала на своем. Вот и живи теперь, как знаешь!

Галина Сергеевна вспомнила безобразную сцену с криком, слезами и битьем тарелок. Ворох вываленной на пол одежды, который она топтала, пинала ногой. «Неблагодарная тварь!» — слышала она визгливый голос. И другой, хриплый: «Дай мне жить своей жизнью!». Зять в это время был в командировке, Лиза — в садике. После ссоры дочь ушла, а Максим остался. Как и подобает мужчине, он был слишком занят, чтобы разбираться в женских склоках. Галина Сергеевна объяснила уход дочери ее вечной загруженностью, бессменными дежурствами в роддоме. Дескать, карьеру делает, на семью наплевать. Наплела что-то про служебный роман для вящей убедительности. Максим вдаваться в подробности не стал. Побыв три дня дома, снова уехал на службу. А когда вернулся — все изменилось. Галя похудела, сделала новую стрижку и перманентный макияж. Волевым решением она оставила свою пожизненную бессрочную самозанятость и начала жить на дивиденды. Да и Максим неплохие деньги домой приносил. Галя обстирывала и обглаживала зятя с нерастроченной силой, выбирала ему галстуки и костюмы, готовила борщи и пельмени. Могла и стопку поднести после напряженного дня, и массаж шейно-воротниковой зоны сделать. И, разумеется, помогала растить Лизу. Она чувствовала своим бабьим нутром, что жизнь подбросила ей еще один, возможно, последний шанс быть, наконец, счастливой. Жить семьей. Быть кому-то нужной, желательной, незаменимой. В том, что Галя стала незаменимой для Лизы, сомнений не было. Оставался Максим, но об этом она старалась не думать — всему свое время!

Уж из внучки-то она сумеет сделать человека! Уж Лиза-то ее никогда не бросит,

не предаст. Пройдут годы — спасибо скажет за ее требовательность и прозорливость, за щедрые инвестиции в разностороннее развитие. И танцевать будет, и по подиуму ходить, и на коньках кататься, и на английском свободно говорить. «Может быть, на будущий год добавить этикет? — задумалась Галина Сергеевна.— Девочка ведь должна уметь вести себя в приличном обществе». А в том, что Лиза будет вращаться только в приличном обществе, не в пример своей упертой матери, Галина Сергеевна нисколько не сомневалась.

Грянули аплодисменты, выбив из головы размышления о Лизином будущем. Номер «Ромашек» завершал концерт, и теперь все участники выходили на сцену для общего поклона. Галина Сергеевна снова включила смартфон, чтобы запечатлеть торжество момента и отправить видео Максиму. Алевтина Петровна шепнула ей перед концертом, что Лизу наградят. Так и случилось. В числе избранных счастливиц Лиза получила из рук пухлого чиновника диплом в золоченой рамке и грузный букет. Тонкие детские руки поникли под тяжестью подарка. Когда отговорили спонсоры и почетные гости, ведущая в тафте, задорно потряхнув лаковыми кудрями, предложила награжденным передарить свои букеты самым любимым зрителям, находящимся сегодня в зале. Лиза вздрогнула.

Галина Сергеевна приосанилась и поправила прическу. Вот она — минута триумфа! Затрубили фанфары. Ребятишки один за другим стали спускаться в зал, телекамеры ловили растроганные лица родителей и выводили их на большой экран у сцены. И только Лиза стояла одна в слепящих лучах рампы — потерянная, оцепеневшая, неловкая. По ее щекам текли слезы. «Это от избытка чувств,— догадалась Галина Сергеевна.— Наверное, сама поняла, что оплошала сегодня с финальным вращением, боялась, наверное, что заметят». Но нет, не заметили (Галя не в счет). А если и заметили — то простили. И потом дипломы были подписаны задолго до вручения, ее оплошность ни на что не влияла.

Вязко тянулись минуты, а Лиза все стояла посреди сцены. И уже Алевтина Петровна подошла к растерянной девочке, и указала рукой на первый ряд, в котором сидела нарядная бабушка. Но только Лиза не спешила спуститься к ней, а все высматривала кого-то в толпе у дверей. Наконец, словно очнувшись, девочка рванулась в зал. Но побежала она не к Гале, уже распахнувшей навстречу свои объятия, а куда-то вдаль, к видному только ей зрителю. Галина Сергеевна привстала от неожиданности, не веря собственным глазам. Смартфон выскользнул из рук в бархатное кресло и звонко шлепнулся на пол.

— Мама,— беззвучно, одними губами произнесла Лиза, уцепившись взглядом за родное, но уже стирающееся в памяти лицо.— Мамочка! — хрипло позвала она окрепшим голосом и побежала быстрее, путаясь в чьих-то ногах, фалдах, любопытных взглядах. Тяжелый букет бился о колени, шурша целлофаном, оставляя в проходе скользкие лепестки. Телекамера спешила за девочкой следом, бесцеремонно высвечивая, выставляя на всеобщее обозрение боль и радость, отраженные на детском лице.

Вот он — самый любимый ее зритель в сегодняшней зале и в целом мире. Любимая, далекая и желанная, стоящая в тесном проходе мама. Любимая, невзирая ни на что.

Когда полчаса назад мама, зашифрованная в телефоне под буквой «М», позвонила Лизе и сказала, что придет на концерт, девочка ответила сначала заученными словами Гали: «Не надо. Я не нуждаюсь в этом». Но чужие, произнесенные пересохшим ртом, холодные фразы разбились о мамин голос.

Девочка бежала по проходу, боясь обернуться на Галю,— ведь тогда пришлось бы отвернуться от мамы. А она не могла этого сделать. Потому что опасалась потерять ее из виду навсегда. За эти несколько мгновений, наполненные грохотом труб,

гулом чужих голосов, дробью сердца, Лиза простила маме все. И то, что та ее бросила, и что живет вдаль от них с папой. Девочка забыла одинокие выходные, мокрую от слез подушку и дождливые вечера, проведенные с куклой, названной маминым именем. Она не хотела ничего знать о том, что мама плохая и не думает ни о чем, кроме своей работы. Ей не нужны были ни зоопарк, ни фисташковое мороженое, ни летний лагерь под Лондоном. Лизе нужна была только мама, ее мама с теплыми ладонями и запахом шоколада по утрам.

...Прошел год. Семья Вертинских перебралась из просторной квартиры Галины Сергеевны в пригород. Лиза оставила престижные кружки и записалась в клуб помощи бездомным кошкам. Папа научился сам выбирать галстуки и готовить пельмени. Мама перестала скрываться за буквой «М» и бояться, что бабушка навсегда отнимет у нее Лизу.

И никто уже не вспоминал то время, когда опасаясь кого-то обидеть, они теряли что-то очень важное. Стремясь к компромиссу — упускали решительный момент. Стараясь быть хорошими — становились несчастными.

А Галя... Галя по-прежнему все замечала и все помнила. Ее список предателей пополнился двумя новыми именами. Но она не теряла надежды стать для кого-то единственной и незаменимой.

